

Григорий Рейхман

Ашдоа, Израиль

«ДО И ПОСЛЕ ПОБЕГА». СУДЬБА И КНИГА СЕМЕНА ШПУНГИНА

Недавно (т. е. в минувшем 2014 г.) в Москве на 16-й Международной книжной ярмарке интеллектуальной литературы “*Non/fiction*” состоялась презентация «Черной книги»: уникальный сборник документов и свидетельств очевидцев Холокоста впервые издан в России² (первое издание осуществлено в Израиле в 1980 г.). Сопредседатель Российского научно-просветительного центра (НПЦ) «Холокост» Илья Альтман рассказал о непростой судьбе запрещенной в сталинские времена книги, о ее расстрелянных и репрессированных создателях — членах Еврейского антифашистского комитета. Особое внимание было уделено истории научной подготовки издания. Книга, которой исполняется 70 лет, впервые дополнена в новом российском издании научным аппаратом, включающим исторические комментарии и биографические справки.

Незадолго до этого события в Риге вышла из печати изданная обществом «Шамир» иллюстрированная книга воспоминаний Семена Шпунгина «До и после побега»³. Следует отметить, что это далеко не первая книга о Холокосте, изданная в Латвии. Достаточно вспомнить, что в 2012 г. общество «Шамир» выпустило на русском языке книгу Макса Кауфмана «Хурбн Летланд. Уничтожение евреев в Латвии» — воспоминания узника гетто и свидетельства других, переживших Холокост в Латвии; несомненно, заслуживают самого пристального внимания и вышедшие за последние годы (2011—2013) под эгидой Российского НПЦ «Холокост» в серии «Российская библиотека Холокоста» сразу четыре(!) книги о Холокосте в Латвии. Это воспоминания бывших узниц нацизма Фриды Михельсон «Я пережила Румбулу»⁴ (М., 2011) и Эллы Медалье «Право на жизнь» (М., 2012), а также две книги Давида Зильбермана: «И Ты это видел» (М., 2012) и «Подобно звезде во мраке» (М, 2013).

Резонный вопрос: а почему статья именно о книге С. Шпунгина?

Дело в том, что Семен Шпунгин — один из последних свидетелей «Черной книги». Издание «До и после побега» «подготовлено» всей его предшествующей личной судьбой и творческой деятельностью; за последние пятнадцать лет отдельные статьи в виде разрозненных глав будущей книги были опубликованы в различных периодических изданиях и тематических сборниках в Латвии, России, Израиле (в том числе и на страницах одной из ведущих израильских русскоязычных газет — «Новостей недели», в приложении «Еврейский камертон»), сегодня их можно встретить и в виртуальном пространстве, т. е. в Интернете. Тем не менее составители сочли нужным собрать и издать эти воспоминания, снаб-

Автор статьи выражает глубокую признательность Семёну Шпунгину, Элле Агаповой и Григорию Смирину за ценные советы и помощь в подготовке публикации.

«Черная книга» под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга. Первое российское издание (Москва, 2015). Обложка

див каждую главу в конце книги необходимыми комментариями доктора истории из Латвии, редактора книги Григория Смирин (Г. Смирин является также автором комментариев к вошедшему в российское издание «Черной книги» «Рассказу Семы Шпунгина», записанному со слов 16-летнего Семена в Москве другом и коллегой И. Эренбурга⁵, писателем О. Савичем⁶ 70 лет назад, в 1944 г., но увидевшему свет лишь в 1980 г. в Израиле, где впервые была издана «Черная книга». На постсоветском пространстве она увидела свет в Вильнюсе в 1993 г.)

Предисловие к книге Семена Шпунгина — «Возвращение к истокам» — благословение нужной и своевременной книги к сердцу читателя написано редактором международного еженедельного интернет-журнала «Мы здесь» (США—Израиль) Леонидом Школьниковом: «Мне кажется, что книга Семена Шпунгина, бесспорно талантливого человека, — это в о з в р а щ е н и е к и с т о к а м, к истокам нелегкой, и все

же удивительно богатой судьбы, в ту жизнь, каждый день которой был и подарком небес, и горечью бытия, и болью потерь и близких».

Первая глава — «Отблески моего далекого детства». В центре — семья верующего еврея в Двинске (Даугавпилсе) фотографа Ильи Шпунгина глазами единственного уцелевшего от гибели сына, уже умудренного жизнью человека. Семья соблюдала еврейские традиции, еврейские праздники, вместе с отцом Семен посещал хоральную синагогу, одну из 40 в городе: «Когда кантор возносил молитву вместе с хором, служба обретала трепетную торжественность». Даугавпилс (Двинск) издавна был одним из центров еврейской жизни. «Здесь родился великий актер Соломон Михоэлс⁷, жил реформатор языка иврит Элиэзер Бен-Иегуда⁸ и первый ашкеназский главный раввин Страны Израила Авраам Исаак Кук⁹. Сюда приезжали классики еврейской литературы Шолом-Алейхем¹⁰, Хаим Нахман Бялик¹¹, Шолом Аш¹², основатель движения сионистов-ревизионистов Владимир (Зеев) Жаботинский...¹³».

Книга иллюстрирована не только фото из Даугавпилского гетто, но и уникальными документами, сохранными, а затем переданными автором в архив «Яд-Вашем», семейными фотографиями. «Сестры отца, — пояснил С. Шпунгин, — еще в 20-е гг. переехали в Латинскую Америку, переписка оборвалась с началом Второй мировой войны. Мне удалось разыскать их и получить эти реликвии». Члены семьи, еврейские школьники, среди которых будущий автор. Подавляющее большинство расстреляно, погибло от голода и холода, сгорело живо, исчезло с лица земли навсегда.

Глава «До и после побега (воспоминания узника Даугавпилского гетто)». Для автора — «до» и «после» — «точки отсчета»: «Я никогда не решался писать

воспоминания о гетто, да и сейчас едва могу подступиться к этому. Хотелось бы изложить невероятную историю моего побега». Как не согласиться с историком из Латвии Иосифом Рочко, автором статьи о Даугавпилсе в энциклопедии «Холокост на территории СССР»¹⁴: «Спасение мальчика напоминает остросюжетный детективный роман. Придумывать и приукрашивать ничего не надо. Жизнь все расставила по своим местам. В конце концов, после долгих несчастливых еврейское счастье улыбнулось»?!..¹⁵

«Зримы и осязаемы» все этапы Холокоста: выделение евреев из остальных, дискриминация, издевательства, переселение в гетто, вплоть до массовых акций уничтожения в отдельно взятом гетто. Процесс показан в его жуткой динамике. Из «Рассказа Семы Шпунгина» 70-летней давности (из «Черной книги»): «В Двинске евреев ловили на улицах и уводили в тюрьму, где над ними очень издевались. Их заставляли без конца ложиться на землю и вскакивать и пристреливали тех, кто не мог делать это быстро. Мы не дошли до своего дома, наш дом сгорел, и мы на некоторое время поселились у бабушки, а потом нас перевели в гетто на другом берегу Двины, напротив крепости, в старом здании. Немцы сами говорили, что оно не годится и для лошадей». Оно было создано уже 15 июля 1941 г., по большинству подсчетов, насчитывало более 14 тыс. евреев из города и окрестностей (по другим данным, на сентябрь 1941 года, — 23 048 жителей города и окрестностей), уточняет Г. Смирин.

Семен Шпунгин считает Даугавпилское гетто «уникальным»: «Евреев заточили в предместные укрепления с наружными окнами-бойницами. Каменный мешок, совершенно не приспособленный для жилья, представлял собой длинное двухэтажное строение с крепостными стенами... Теснота была невероятная... Скученность, невозможность соблюдения простейших требований санитарии грозили со дня на день вызвать эпидемии...» Существовали «юденрат», еврейская «полиция», больница и даже детский сад. «Но все подобие быта сочеталось с лагерными порядками, всевозможными запретами и наказаниями». «Показательные экзекуции» вершились на глазах у узников. Отличие и уникальность гетто, считает Семен Шпунгин, не только в местонахождении узников «в условиях замкнутой территории оборонительного сооружения». В ситуации, когда «обыкновенные люди, сломленные и ввергнутые в отчаяние, не способны были помышлять о каком-либо восстании. Рядом со своими близкими все ощущали себя заложниками». Это — ответ на вопрос, «почему жертвы Холокоста безропотно шли на заклание». В отличие от огромного Варшавского гетто¹⁶, отмечает С. Шпунгин, здесь не было ни налаженных связей с внешним миром, ни оружия, ни боевых организаций.

Самые кровавые акции нацисты, как известно, осуществляли в дни праздников — советских и еврейских. Трагедия Бабьего Яра — канун Судного дня, пер-

Еще до войны... Семену Шпунгину
десять лет. Даугавпилс

вый погром в Минском гетто — 7 ноября 1941 г. и т. д. Во время массовых селекций и расстрельных акций 7—9 ноября 1941 г. в гетто погибли мать и сестра Роза. Семена от расстрела спасла семейный зубной врач Магид, выдавшая его за сына: в тот момент временное право на жизнь получили медики, рабочие (ремесленники) и их семьи. Чудом выжил (брюшной тиф!), уцелел и во время ликвидации «большого гетто» 1 мая 1942 г. Вместе с отцом Семен оказался среди нескольких сотен узников «малого гетто», в самой цитадели¹⁷. Здесь находился до окончательной ликвидации гетто 28 октября 1943 г. «Осенью все чаще и чаще до нас доходили слухи о предстоящем удалении евреев из крепости. Что это означало, никому не надо было объяснять. На явные признаки приближающейся развязки люди реагировали по-разному. Одни — равнодушно: будь что будет! Другие, решив не отдаваться живыми в руки палачей, обзаводились ядом. Были и такие, кто, припасая съестное, устраивал “малины”¹⁸ в городских развалинах и заброшенных домах. А часть нашей молодежи сумела к тому времени раздобыть оружие с намерением все-таки добираться наудачу до партизан». Последняя фраза говорит о группе сопротивленцев, готовых сражаться и достойно умереть с оружием в руках. Судьбы остальных узников складывались трагически — их отправили в Ригу, в концлагерь Кайзервальд¹⁹, а в дальнейшем — в Штуттоф, Бухенвальд и другие лагеря. Некоторые, в том числе и отец Семена, попытались скрыться в «малинах», но были обнаружены и погублены. «Побег в никуда» описан Семеном Шпунгиным спустя 70 лет до мельчайших подробностей: «Нам пришлось карабкаться на крепостной вал и прыгать с наружной и отвесной стены на дно защитного рва». А вот и другое свидетельство, как бы со стороны: «До сих пор передо мной, как в немом кино, эти трагические кадры хроники: мчатся куда-то Сема Шпунгин, Носке Гельфанд; бежит, стреляя в немцев, Минц...» Это пишет бывшая учительница Носке Гельфанда, уроженка Краславы, узница Даугавпилсского гетто, а затем концлагерей Кайзервальд, Донданген²⁰ и Штуттоф Бася Наумовна Цин²¹.

Семен хотел уйти с группой молодежи, но его с товарищем Носей Гельфандом сочли недостаточно взрослыми. Вместе с Носей они бежали в сторону Краславы, затем вернулись назад и напоролась на немцев. Нося был схвачен и погиб, а Семену (в который раз!) удалось на этот раз убежать. Чудо? Наверное...

Немаловажная деталь: информация о погибших родных Семена Шпунгина сегодня имеется в Центральной базе данных имен жертв Катастрофы в «Яд-Вашем». Не остался забытым и друг Семена, Нося (Носке), или Натан Гельфанд. Листы свидетельских показаний на них заполнены С. Шпунгиным, его товарищем З. Абрамсоном, а также волонтером «Яд-Вашем» Л. Пора-Леоновичем.

Документ на имя Ивана Островского в полиции безопасности — направление на биржу труда, датированный 2 ноября 1943 г., «говорит» читателю: с момента побега прошло меньше недели, полной смертельных опасностей. И чуда спасения. После одного из допросов немецкий унтер-офицер «тихо произнес на... идише: “Их вейс, ду бист а клугер ингл” (я знаю, ты умный мальчик, — и отвернулся)...

Так Семен оказался в деревне Калупской волости Даугавпилсского уезда. Из «Черной книги»: «В деревне я и провел почти 9 месяцев до прихода Красной армии. Там я никому не сказал, что я еврей. Только раз со сна я закричал по-еврейски. Хозяин стал меня допрашивать, но я уговорил его, что кричал по-

немецки. После этого я очень тревожно спал, боясь, что опять закричу». Спустя 70 лет Семен Шпунгин признается: «Иногда меня охватывал страх». Приходилось выживать во враждебной среде, возникали смертельно опасные ситуации, спасение зависело от изворотливости ума, молниеносной реакции. Страх и «еврейское одиночество». Беглец один на один с отвернувшимся равнодушно-враждебным миром. В «Черной книге» он признается, что после войны «уехал из Двинска и не хотел бы возвращаться туда, потому что мне больно ходить по улицам, по которым ходили мои родные и столько погибших евреев, и проходить мимо нашего сожженного дома. Больше всего я хочу учиться и найти людей, которых бы я полюбил и они меня тоже, чтобы не чувствовать себя одиноким в мире». Волею Судьбы он вернется в Даугавпилс, будет жить в семье дяди. Но ощущение «одиночества в мире», судя по мемуарам и исследованиям, ощущается многими пережившими Холокост. Посттравма до конца...

27 июля 1944 г. пришло освобождение. Спустя 70 лет — привкус горечи: «Многие солдаты, проходя мимо, покатываются со смеху: “Ой, глядите, жиденок! Мордух! Шмулик! Еврейчик!...” Из песни слов не выкинешь».

Еще будучи узником гетто, скитальцем по оккупированной территории, он узнал об Илье Эренбурге. Так возникло желание рассказать этому человеку о пережитом в нацистской неволе. Осенью 1944 г. друг Эренбурга писатель Овадий Савич записал его рассказ-исповедь для будущей «Черной книги», писатель Василий Гроссман²² дал корреспонденцию для Совинформбюро²³. Затем — публикация в газете Еврейского антифашистского комитета «Эникайт»²⁴ в марте 1945 г. «Рассказ Семы Шпунгина» был включен в материалы для готовившегося Нюрнбергского процесса²⁵. Различия в описании событий тогда и сейчас, разумеется, есть. В личной беседе с автором этой статьи, состоявшейся 1 декабря 2014 г. в израильском городе Бат-Яме, Семен Шпунгин сообщил следующее: «Тогда не соблюдал хронологии, есть неточности. Сказалось волнение. Поэтому комментарии к новому российскому изданию «Черной книги» и к моей книге «До и после побега» историка Григория Смирнова — весьма ценны...»

Доброта и забота Ильи Эренбурга, опекавшего Семена, общение с окружением писателя, с членами Еврейского антифашистского комитета, ставшими впоследствии жертвами сталинских репрессий, сыграло огромную роль в судьбе С. Шпунгина. Об этом — в главе «За щитом Эренбурга». Она есть как в интернет-изданиях, так и в печатных, например, в сборнике статей, эссе и воспоминаний к 40-летию со дня смерти И. Эренбурга «Зов крови» (Тель-Авив, 2007). В домашнем архиве С. Шпунгина — письма, книги с дарственными надписями Эренбурга, его дочери Ирины, приемной внучки Эренбурга Фаины Фишман-Палеевой, сделавших немало для увековечения памяти и наследия писателя и борца с нацизмом...

Судьба журналиста-«тассовца» была интересной, хотя и нелегкой. До развала бывшего СССР был «невыездным», работал «под косыми взглядами КГБ», его пытались вербовать, скрывали от следователей ФРГ, не дав выступить со свидетельскими показаниями против нацистов в Дортмунде, отказывали в выдаче следственных материалов по делам коллаборационистов в годы войны: «не доверяли». В то же время Судьба дарила встречи с Алексеем Аджубеем, дочерьми Н. С. Хрущева, Аркадием Райкиным и другими известными людьми.

Но тема войны и Холокоста у Семена Шпунгина — доминирующая. В последнем разделе — «Приложения» внимания заслуживают рассказ о судьбе

Семен Шпунгин со своей книгой воспоминаний. Бат-Ям, Израиль, декабрь 2014 г.

ветерана войны «Две жизни Янкеля Виленчика», путевые заметки «В Африке под звездой Давида» и «Воспоминания переживших Холокост, собранные Семеном Шпунгиным».

«Две жизни Якова Виленчика» потрясают невероятной правдой, как и, впрочем, судьба самого Шпунгина. Портной из Даугавпилса, бежавший от немцев вместе с женой и дочерью, стал воином. Геройски сражался под Москвой, под Старой Руссой, освобождал Латвию. Вместе с группой разведчиков старшина попал в засаду, во время отхода подорвался на mine. Три еврея-сослуживца не отступили, предали окровавленное тело земле и поклялись, если останутся живы, поведать супруге о гибели мужа, показать могилу. Из трех выжил один. После войны отыскал жену Виленчика

и... потерял сознание, увидев... похороненного им же Якова!.. Извлеченный из могилы солдатами трофейной роты, Виленчик чудом выжил, два года провел в госпиталях, разыскал жену и дочь и вернулся в Даугавпилс. Сын Барух Виленчик репатрировался в Израиль. Рассказ-документ. Дань памяти, мужеству и жизнестойкости наших соплеменников, приблизивших час Победы, и в канун ее 70-летия он приобретает особое звучание²⁶.

Воспоминаний бывших узников — восемь. Первая публикация состоялась в 1995 г. в «*LEGU*» — «Бюллетене Общества латвийских евреев — бывших узников гетто и нацистских концлагерей». Некоторые из них опубликованы также в «Книге спасителей», увы, покойного писателя Леонида Коваля²⁷. Записанные и обработанные журналистом-профессионалом, все они сразу же обрели характер исторических документов на страницах новой книги. И свидетельства обвинения против германского нацизма. Достаточно вспомнить лишь одно — «Беглецы из рая», где говорится о медицинских экспериментах над узниками Рижского гетто, проводившихся в научном центре вермахта — Институте медицинской зоологии: немцы изучали насекомых-паразитов, а в качестве доноров использовали евреев, которым, к счастью, удалось спастись благодаря местным жителям...

В «Приложениях», увы, не вошла уникальная история упомянутой С. Шпунгиным в путевых заметках по Южной Африке скрипачки Цили Градис-Борухович. Интервью с Цилей записывалось, по признанию самого Шпунгина автору данной статьи, дважды, поскольку в первый раз журналиста подвел... диктофон. Опубликовано это интервью в виде повести в «Книге спасителей» Л. Коваля и датировано 20 апреля 1999 г. (Йоханнесбург, ЮАР)...²⁸

С 2000 г. С. Шпунгин живет в Израиле. Публикуется в прессе, принимает участие в семинарах Международной школы «Яд-Вашем», международных конференциях, встречах бывших узников гетто и концлагерей.

Выход «До и после побега» спустя 70 лет после свидетельских показаний для будущей «Черной книги» — событие, заслуживающее внимания. Такая книга нужна! Она не только источник по истории Холокоста и уникальности судеб уцелевших, но серьезный противовес тем, кто сегодня на «донисторической» родине автора — в Латвии устраивает парады «ветеранов» *Waffen-SS*, кто с помощью мюзиклов героизирует палачей еврейского народа. Книги С. Шпунгина, увы, нет в Израиле. В Латвии она издана очень малым тиражом, поскольку типографские услуги здесь затратны не в меньшей степени, чем в Израиле. Средства на нее собирали знакомые, коллеги и друзья автора. Как нам стало известно, инициатором сбора средств стала коллега С. Шпунгина по работе в системе ТАСС Галина Стоян, и эта ее деятельность заслуживает всяческого уважения.

С полным текстом книги можно также ознакомиться в Интернете.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. прим. 8 на с. 95.

² Книга вышла в свет в 2015 г.: Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в гитлеровских лагерях уничтожения на территории Польши во время войны 1941—1945 гг. / Под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М., 2015. 767 с.

³ Шпунгин С. До и после побега: Восп. Рига, 2014. 172 с.

⁴ Подробнее о Фриде Михельсон и ее книге см. в ст. Д. Зильбермана, помещенной в настоящем сборнике, с. 169—175.

⁵ См. прим. 7 на с. 182.

⁶ Савич Овадий Герцович (1896—1967) — писатель, поэт, переводчик. Родился в Варшаве, учился на юридическом факультете Московского университета, был актером. С 1923 г. жил в Берлине, затем в Париже. В начале 30-х гг. корреспондент газеты «Известия», затем ТАСС в Испании. По возвращении в Москву занимался переводами испанской поэзии. На заседании литературной комиссии по «Черной книге» 13 октября 1944 г. И. Г. Эренбург говорил: «Савич обработал рассказ Семы Спунгина (фамилия искажена. — *Ред.*), он долго возился с этим мальчиком. Мы его устроили в школу» (Государственный архив Российской Федерации, ф. 8014, оп. 1, д. 967, л. 43). — *Ред.*

⁷ Михозл (наст. фам. Вовси) Соломон Михайлович (1890—1948) — актер, режиссер, педагог, общественный деятель. Родился в Динабурге Витебской губернии (впоследствии Двинск, ныне Даугавпилс в Латвии). Получил традиционное еврейское образование. С 1911 г. учился в Киевском коммерческом институте, откуда был исключен за участие в студенческих волнениях; в 1915—1918 гг. учился на юридическом факультете Петроградского университета. На сцене с 1919 г., работал в Московском государственном еврейском театре (с 1929 г. художественный руководитель). В 20-е гг. играл бытовых и комедийных персонажей в спектаклях по произведениям еврейской классики, снимался в кино («Еврейское счастье» по Шолом-Алейхему (1925), «Цирк» (1936), «Семья Оппенгейм» по Л. Фейхтвангеру (1938)). Крупнейшее творческое достижение — главная роль в спектакле по пьесе У. Шекспира «Король Лир» (1935). Сценические творения отличались философской глубиной, страстным темпераментом, остротой и монументальностью формы. Лучшая режиссерская работа — спектакль «Фрейлехс» по мотивам еврейского фольклора (1945). С 1931 г. открыл при своем театре училище, готовившее актеров для еврейских театров Советского Союза (с 1941 г. профессор). В годы Второй мировой войны возглавил Еврейский антифашистский комитет СССР. Убийство С. М. Михозла было организовано советскими органами госбезопасности. Имя С. Михозла носит одна из улиц Даугавпилса. На доме № 4 по ул. Михозла, где родился актер, установлены мемориальная доска и барельеф. — *Ред.*

⁸ Бен-Иегуда Элизер (наст. имя и фам. Лазарь Перельман; 1858, Лужки Дисненского уезда Виленской губернии (ныне в Белоруссии) — 1922, Иерусалим) — языковед, инициатор возрождения иврита в качестве языка повседневного общения. В возрасте 13 лет был отправлен в иешиву в Полоцк, затем поступил в реальное училище в Динабурге (ныне Даугавпилс), которое окончил в 1877 г. В 1878 г. уехал в Париж изучать медицину. Заболел туберкулезом, в 1881 г. поселился в Палестине, где сменил фамилию на Бен-Иегуда. Его дом стал первым, в котором говорили на иврите, а его старший сын стал первым носителем иврита как родного языка спустя более чем тысячелетие после прекращения разговорной функции этого языка. Неортодоксальное поведение Э. Бен-Иегуды вызвало резкую оппозицию религиозных ортодоксов. В 1910 г. он начал публикацию «Полного словаря древнего и современного иврита», издание которого было завершено уже после его смерти (1959). После утверждения британского мандата на Палестину Бен-Иегуда был среди тех, кто убедил британского верховного комиссара провозгласить иврит официальным языком наряду с английским и арабским. — *Ред.*

⁹ См. прим. 2 на с. 13.

¹⁰ Шолом-Алейхем (наст. имя и фам. Шолом Рабинович) (1859—1916) — еврейский писатель. Родился и жил в России, с 1914 г. — в США. Писал преимущественно на идише, а также на иврите и русском. Создатель галереи ярких национальных типов. Для произведений характерны юмор и лиризм, точные бытовые детали, ярко выраженная демократическая позиция. Романы «Сендер Бланк и его семейка» (1887), «Иоселе-Соловей» (1889), «Потоп» (1906), «Блуждающие звезды» (1909—1911), «Кровавая шутка» (1913), повесть «Мальчик Мотл» (1907—1916), циклы новелл «Менахем Мендл» (1892), «Тевье-молочник» (1894—1914) и др. — *Ред.*

¹¹ Бялик Хаим Нахман (1873—1934) — выдающийся еврейский поэт (писал в основном на иврите), выступал против социальной несправедливости и национальных притеснений; в 1920 г. эмигрировал из России, с 1924 г. жил в Палестине. Во время своего визита в Даугавпилс Хаим Нахман Бялик был гостем клуба своего имени. Его посещение Латвии в декабре 1931 г. проходило в рамках турне «Книга и слово» и имело целью усилить интерес к ивриту и культуре на этом языке. В Даугавпилсе поэт был встречен большим количеством почитателей — сионистов, несионистов (еврейская община, еврейская фракция городской думы, ДИСК (*Даугавпилс идишер спорт-клуб*) — Даугавпилсский еврейский спортклуб), представителей еврейских школ, журналистов. Газета «Двинский голос» в статье «Пророк возрождения еврейской культуры» писала, что приезд великого поэта — праздник «для всего двинского еврейства...». В Даугавпилсе Бялик посетил знаменитого раввина И. Розина, встретился с учениками ивритских школ и членами юношеских сионистских организаций. Подробнее см.: *Волкович Б.* Хаим Нахман Бялик в Даугавпилсе // Евреи в Даугавпилсе: Ист. очерки. Даугавпилс, 2005. Кн. 4. С. 101—110. — *Ред.*

¹² Аш Шолом (1870—1957) — еврейский прозаик и драматург (писал на идише); родился в Польше, жил в США, Израиле, умер в Англии; автор пьес «По течению», «Бог мести» и др.

¹³ Жаботинский Владимир (Зев) Евгеньевич (1880—1940) — писатель и публицист, идеолог и основатель ревизионистского направления в сионизме. До 1914 г. жил в России, после 1920 г. — в основном во Франции. В 1923 г. основал в Риге молодежную сионистскую организацию Бетар, которая стала всемирной. Умер в США. — *Ред.*

¹⁴ Холокост на территории СССР: Энцикл. М., 2011. С. 263—265.

¹⁵ См. ст. Иосифа Рочко, помещенную в настоящем сборнике, с. 180.

¹⁶ Варшавское гетто, на территории которого в разное время в 1940—1943 гг. проживало от 400 тыс. до 500 тыс. евреев, было беспрецедентным по своим масштабам. Для подавления начавшегося в нем 19 апреля 1943 г. восстания гитлеровцам понадобилось несколько месяцев. — *Ред.*

¹⁷ Имеется в виду Даугавпилская крепость. — *Ред.*

¹⁸ Малина (*жарг.*) — воровской притон (в данном случае в ироническом значении). — *Ред.*

¹⁹ См. прим. 6 на с. 181—182.

²⁰ Концлагерь Донданген — один из крупнейших филиалов («внешних лагерей») концлагеря Кайзервальд. Находился в тогдашнем Вентспилском уезде, в окрестностях поселка Дундага. Его узники воплощали здесь замысел Г. Гиммлера о создании на севере Курляндии некоего района СС (“*SS Seelager Dondangen*”). Как Донданген II в литературе известен концлагерь Попервальн, который находился в тогдашнем Талсинском уезде, в Арлавской волости. Как и лагерь Донданген I, он

был расположен в районе, известном как “*SS Seelager Dondangen*”, который был облюбован эсэсовским руководством летом 1943 г. Лагерь был создан в ноябре 1943 г. в болотистой местности. Условия жизни заключенных здесь были одними из худших, особенно на начальном этапе, когда узники находились под открытым небом или в палатках. В условиях высокой смертности узников комендант не нашел выхода лучше, чем просто сбрасывать трупы в море. Позднее в Попервальне начали строить крематорий, а не жилье для заключенных, которые так и оставались жить в палатках. В результате прорыва советских войск к Тукумсу 24—25 июля 1944 г. оба концлагеря были спешно эвакуированы. Узников по проселочным дорогам погнали в Кулдигу. Многие из них попытались бежать, но многие были не в состоянии идти в жару. Погибшие в результате этого марша были захоронены в братской могиле в Злекас. Большая часть узников была доставлена поездом из Кулдиги в Вентспилс, а оттуда морем — в концлагерь Штуттоф. Небольшую группу пригнали в Лиепаяу, откуда их также морем депортировали в Штуттоф. Подробнее см.: *Vestermanis M. Die nationalsozialistischen Haftstätten und Todeslager in okkupierten Lettland, 1941—1945 // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur. Göttingen, 1998. Bd. 1. S. 488. — Ped.*

²¹ Цин Б. Выжить, чтобы вернуться. Тель-Авив, 1997. С. 68.

²² Гроссман Василий Семенович (1905—1964) — писатель. Родился в Москве. Публиковался с 1934 г. В годы Второй мировой войны военный корреспондент. Главное произведение — роман «Жизнь и судьба» (1948—1960; опубл. в 1980 г. за рубежом и в 1988 г. в СССР), в котором поднята проблема сопротивления личности насилию тоталитарного режима. — *Ped.*

²³ Советское информационное бюро — орган информации, созданный 24 июня 1941 г. для руководства всей работой по освещению международных и военных событий, а также внутренней жизни СССР. Занималось также составлением и публикацией военных сводок по материалам Верховного главнокомандования и организацией контрпропаганды. Просуществовало до мая 1945 г. — *Ped.*

²⁴ Газета выходила с 6 июля 1942 г. (Куйбышев, ныне Самара) по 20 ноября 1948 г. (Москва). — *Ped.*

²⁵ Нюрнбергский процесс (20 ноября 1945 — 1 октября 1946 г.) — суд над главными нацистскими военными преступниками (суду были преданы 24 преступника, входивших в правящую клику фашистской Германии); проводился в Нюрнберге (Германия) в Международном военном трибунале, который был создан в соответствии с московской Декларацией об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства от 30 октября 1943 г. (СССР, США и Великобритания) и Соглашением между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран «оси» (т. е. Германии и ее союзников) от 8 августа 1945 г. (соглашение содержало принципы Устава Международного военного трибунала). Подсудимым наряду с обвинениями в преступлениях против мира и военных преступлений были также предъявлены обвинения в преступлениях против человечности: в истреблении, порабощении, высылках и других жестокостях, совершенных против гражданского населения по политическим, расовым или религиозным мотивам. Трибунал объявил преступными организации германского фашизма: гестапо, СС, СД, руководящий состав нацистской партии. Были разоблачены сущность нацизма (германского фашизма) и его планы уничтожения целых народов, опасность возрождения фашизма в любой его форме для всего человечества. Подробнее об этом см., напр.: Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: В 8 т. М., 1987—1991; *Полтораки А. И. Нюрнбергский эпилог. 3-е изд. М., 1983; Звягинцев А. Нюрнбергский процесс: Без грифа «Совершенно секретно». М., 2010. — Ped.*

²⁶ Кстати, Яков (Янкель) Виленчик упомянут в книге-справочнике «латвийской израильтянки» Евы Ватер: *Ватер Е. Евреи Латвии в борьбе с нацизмом. [Рига, 2004]. С. 84. (Доступно: http://www.jwmww2.org/vf/ib_items/1400/LatvianJewsAtTheFrontsOfStruggleAgainstNazism.pdf).*

²⁷ Книга спасителей / Авт.-сост. Л. Коваль. Рига, 2000. Ч. 3. С. 127—131, 132—136, 192—195.

²⁸ Там же. С. 265—284.